

ВИКТОР МАЗИН

# СЕКСУАЛЬНОСТЬ В ГЛОТКЕ РЕАЛЬНОСТИ

Онейрокритика  
Лакана

Лакановские  
тетради



Лакановские тетради

Виктор Мазин

**Сексуальность в  
глотке реальности.  
Онейрокритика Лакана**

«Алетейя»

2022

УДК 159.964.2  
ББК 88.6

**Мазин В. А.**

Сексуальность в глотке реальности. Онейрокритика Лакана /  
В. А. Мазин — «Алетейя», 2022 — (Лакановские тетради)

ISBN 978-5-91419-543-1

Эта книга представляет собой детальный разбор самого знаменитого сновидения в истории психоанализа - «Об инъекции Ирме». Именно анализ «Ирмы» позволил Фрейду вывести основные положения своей онейрокритики и написать Библию психоанализа - «Толкование сновидений», а Лакану сформулировать свое отношение ко сну, сновидению, реальности. Автор книги, известный психоаналитик Виктор Мазин, следуя логике Лакана, деконструирует одну из фундаментальных оппозиций западной метафизики - оппозицию сновидения и реальности, размечая основные положения психоаналитической онейрокритики. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.964.2

ББК 88.6

ISBN 978-5-91419-543-1

© Мазин В. А., 2022

© Алетейя, 2022

## Содержание

Вначале будет дополнение	6
Место сновидения	7
Фрейд захвачен сновидением, но его не оставляют сомнения	8
Сновидение о горящем ребенке	9
Тайна призрака отца	10
Ещё раз: что пробуждает?	11
Желание спать и шум потусторонней реальности	12
В пуповине	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

# Виктор Мазин

## Сексуальность в глотке реальности. Онейрокритика Лакана

*«Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном  
окружена вся наша маленькая жизнь».*

*В. Шекспир «Буря»*

МУЗЕЙ СНОВИДЕНИЙ ФРЕЙДА



Под редакцией Виктора Мазина и Айтген Юран

2-е издание, дополненное

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ



© В. А. Мазин, 2013

© В. А. Мазин, предисловие, 2021

© Музей сновидений Фрейда, 2013

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2013

## **Вначале будет дополнение**

Начнем с дополнения. Начнем с дополнения к сновидению «Об инъекции Ирме». Именно это сновидение – сквозное, магистральное в книге «Онейрокритика Лакана». Именно оно как парадигматическое сновидение истории психоанализа, можно сказать, занимает центральное место в «Толковании сновидений» Фрейда, даже если у него нет одного места, даже если оно рассеяно по нескольким главам книги.

Однако есть в «Толковании сновидений» другое сновидение, заслуживающее занять место ещё одной магистральной, проложенной в психоаналитической Библии. Это сновидение, которое известно в истории психоанализа как «Отец, разве ты не видишь, я горю», или как сновидение о горящем ребенке. Принимая его в расчет, можно сказать, что мы имеем дело с двумя множественными центрами «Толкования сновидений», децентрирующими друг друга, «Ирмой» и «Горящим ребенком». Такое распределение соответствует и отмеченному Фрейдом маршруту в шести первых главах, и иному пути, которому он следует в заключительной седьмой главе.

Сновидение «Отец, разве ты не видишь, я горю» заслуживает отдельной книги, которая могла бы называться «Онейрокритика Лакана – 2», но мы ограничимся этим дополнением и постараемся сделать его максимально кратким. Итак, чем значимо это сновидение? Куда оно читателя ведет?

## Место сновидения

Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего обратим внимание на то место, какое сновидение это занимает в книге. Напомним, в «Толковании сновидений» семь глав, и последняя, седьмая, занимает в ней совершенно особое место. Если шесть глав посвящены проблематике сновидений, то заключительная глава должна открыть окно в психику субъекта, в его психический аппарат. Эта принципиальная глава и начинается со сновидения «Отец, разве ты не видишь, я горю», и Фрейд обращается к нему далеко не раз. Можно сказать, вся седьмая глава прострочена этим сновидением. Обращает внимание на местоположение «Горящего ребенка» и Лакан в своем семинаре «Четыре фундаментальных понятия психоанализа» (1964), в котором он также вновь и вновь возвращается к этому сновидению. Лакан, к слову, вообще не так часто обращается к анализу сновидений. Однако в этом, столь важном для него семинаре он то и дело возвращается то к Ирме, то к горящему ребенку. Более того, в связи с этим сновидением Лакан рассказывает свой собственный сон, и мы к нему еще, конечно же, обратимся.

Вот что по-настоящему удивительно в связи с этим сновидением о горящем ребенке. Это – не сновидение Фрейда, и, более того, вообще не ясно, чье оно. Фрейду его рассказала пациентка, которая услышала его на лекции, а затем умудрилась увидеть, воспроизвести его как свой собственный сон. Несмотря на то, что сновидение это невозможно подвергнуть анализу, поскольку субъект, его увидевший, остается за кадром, оно оказывается в принципиальном месте «Толкования сновидений», более того, именно оно меняет общий маршрут книги.

Напомним, метафора всей книги – прогулка, путешествие, о чем Фрейд сообщает своему другу Флиссу 6 августа 1896 года. Как только начинается седьмая глава, Фрейд тотчас заявляет, что самая удобная и приятная часть путешествия позади. Что впереди? Впереди – «все наши тропы будут вести в темноту» [1:513]. Именно здесь начинается катабасис, именно здесь находится спуск к Ахеронту, обещанный Вергилием в эпиграфе к «Толкованию сновидений».

Начиная со сновидения о горящем ребенке, все пути погружаются во мглу. Что имеет ввиду Фрейд? А то, что невозможно

*«объяснить» сновидение как психический процесс, ибо “объяснить” – означает свести к известному, а в настоящее время нет такого психологического знания, с которым мы могли бы соотнести то, о чем в качестве основы объяснения можно сделать выводы из психологической проверки сновидений» [1:513].*

Так сновидение «Отец, разве ты не видишь, я горю» обнаруживается в том месте книги, где мы оказывается перед уравнением с двумя неизвестными – сновидением и психическим аппаратом. Это сновидение своей кажущейся прозрачностью отмечает тупик, из которого предстоит искать выход. Выход этот – вход в психический аппарат. И выход этот обернется ни больше ни меньше как деконструкцией господствующего в Западном мире представления о реальностях, бодрственной и сновидческой.



## Фрейд захвачен сновидением, но его не оставляют сомнения

Фрейд захвачен сновидением «О горящем ребенке», в том числе тем, что смысл его дан *как бы* в незамаскированной форме. Смысл – в исполнении желания. Но в то же время психоаналитик не перестает сомневаться. Лакан говорит о том, что Фрейд идет картезианским путем, поскольку в центре его внимания – достоверность, *Gewißheit*. Вопрос в том, на что мы можем положиться, в чем именно можем мы в этом мире быть уверены? Фрейд подчеркивает, что мы всегда уже имеем дело с рассказом о сновидении, а не с собственно сновидением; да и для Лакана между переживанием сновидения и его пересказом – пропасть.

Сомневаясь, Фрейд, а вместе с ним и Декарт, мыслят; их уверенность опирается на сомнение. Однако это, разумеется, не значит, что между двумя теориями субъекта нет разницы, ведь *cogito* Фрейда находится не в том же регистре, что *ergo sum*. *Cogito*. «мыслю» Фрейда принадлежит бессознательному, и утверждая достоверность области этой негативности, он делает, по словам Лакана, тот решительный шаг вперед, который радикальным образом меняет нашу картину мира. Фрейд переворачивает картезианские представления о субъекте, а значит и о мире. Бессознательное, между тем, имеет, как говорит Лакан, структуру зияния, более того – онтологическую функцию зияния, *béance*. И функция этого явления – в сопряжении с реальным.

Кроме того, как не раз будет подчеркивать Лакан, *cogito* Фрейда – это его *desidero*. и формула его: мыслю, значит, желаю. Иначе говоря, мысль – это всегда уже мысль-желание. В сновидении сказывается бессознательная мысль, *мысль*, «обнаруживающая себя собственным отсутствием» [4:42]. Мысль в сновидении может и присутствовать, но чаще она предстает как отсутствующая, *comme absente*, скрытая в искаженном представлении на другой сцене, на сцене бессознательного. Так, даже если мысль не обнаруживается как таковая, она представлена – в своем отсутствии – на другой сцене. И формула звучит уже по-другому: мыслим, значит, существую. Или иначе: желаем, следовательно, признан; признан, значит, существую.

Мысль и бытие расходятся в стороны, раскрывая интервал, зияние, пробел. К вопросу о субъекте, его мысли и его бытии в понимании Декарта и Фрейда Лакан обращается во второй части своей статьи «Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда». Вот как звучит принципиальная формула Лакана: «я не есмь там, где я игрушка моей мысли; о том, что я есмь, я мыслю там, где я и не думаю мыслить» [2:74]. Что Лакан понимает под бытием? То, что в его алгоритме субъекта оказывается под чертой.

В алгоритме этом субъект – означающее ( $S_1$ ) представляющее его другим означающим ( $S_2$ ), при том что бытие расщепленного субъекта (\$) оказывается под разделительной чертой. Бытие недоступно, оно *всегда уже* находится на оборотной стороне ленты Мёбиуса. Бытие – «это собственно реальное, настолько насколько оно проявляется на уровне символического» [3:482]. Бытие проявляется в интервалах, бытие и есть интервал, разрез, пробел. И здесь с еще большим основанием можно говорить об онтологической функции зияния. Пробел, купюра, пропуск в символическом – бытие. Бытие вырезано в символическом.

Между бытием и мыслью – раскол. Субъекту не встретиться со своим бытием? Не совсем так, поскольку к бытию приближает метафора, позволяющая разделительную черту преодолеть. Не совсем так, поскольку символическая ткань мышления может вдруг распасться, и субъект окажется на краю пропасти своего бытия. Где это может случиться? В сновидении.



## Сновидение о горящем ребенке

Фрейд захвачен сновидением, содержанием которого является встреча отца и сына. Да, Фрейд в «Толковании сновидений» не раз подчеркивает, насколько значимым событием для сына оказывается смерть отца, оказывается для него, Зигмунда Фрейда, а также для Эдипа, для Гамлета и для «отца, который не знал, что он умер» (это сновидение – вместе с Эдипом и Гамлетом – будет важно для Лакана в VI семинаре). Однако в данном сновидении, в сновидении о горящем ребенке, история противоположная: отец сталкивается со смертью сына.

Предварительные условия этого, как пишет Фрейд, «служащего образцом сновидения» таковы: отец сидел день и ночь у постели своего больного ребенка, но ребенок умер, и после его смерти отец уходит спать в соседнюю комнату и оставляет дверь открытой, чтобы из своей спальни видеть помещение, где лежит в гробу тело ребенка, окруженное большими свечами. Возле гроба сидит старик, которого специально для этого наняли. Отец проспал несколько часов и увидел сон:

*«Ребенок стоит у его кровати, берет его за руку и с упреком шепчет ему.  
«Отец, разве ты не видишь, я горю?»» [1:511].*

Отец тотчас просыпается, замечает яркие всполохи света в комнате с телом покойного, спешит туда и видит, что старик уснул, а одежда и рука покойного обгорели от упавшей свечи. Здесь и возникает основной вопрос, которым задаются Фрейд и Лакан в связи с этим сновидением: что пробуждает сновидца? Какое желание противодействует *желанию спать*? Или дело совсем не в желании?

Для начала Фрейд соглашается с самой простой интерпретацией, с той, которую высказали лектор и прослушавшая лекцию пациентка: отсвет свечи в реальности разбудил отца, который к тому же лег спать, волнуясь, что старик тоже может уснуть. Реальность пробуждает, и волнение отца его к этому пробуждению подготовило. Однако Фрейд не совсем удовлетворен такой интерпретацией, поскольку она противоречит желанию отца увидеть сына живым и здоровым. Где он мог встретить сына живым и здоровым? Только во сне. И отец встречает сына во сне, тот подходит, берет его за руку, говорит. Почему же тогда отец просыпается?

Фрейд обращается к содержанию сновидения, которое должно быть, во-первых, сверхдетерминированным, во-вторых, связанным с бодрственной реальностью. Так что слова, сказанные сыном, представляют собой остатки дневных впечатлений, *Tagesreste*. останки, столь значимые для отца. Причем, следуя логике анализа, логике расчленения на детали, слова «Я горю» могут быть связаны с жаром, с болезнью, которая привела ребенка к смерти; а слова: «Отец, разве ты не видишь?» могут отсылать к другому эпизоду. Понятно, что в собранной из двух элементов фразе звучит откровенный упрек отцу в том, что он не замечает, не видит жар, пожар, охвативший сына.

Фрейд стремится еще прочнее укоренить реальность сновидения в реальности бодрственной. Отец отправляется из бодрственной реальности в сновидческую на встречу с сыном. И во сне мертвый ребенок оживает. Он подходит к кровати, берет отца за руку, обращается к нему. Так сновидение становится, казалось бы, местом желанной встречи отца и сына. В общем, Фрейд с Лаканом на пару говорят: отец не должен был проснуться. Его желание сбылось, что же от него бежать?

## Тайна призрака отца

Объяснение мы находим в самом сновидении, в том, что сын упрекает отца, в той тайне, с которой сталкивается отец. В центре этого сна, отмечает Лакан,

«стоит тайна самая страшная, какую можно только себе представить, тайна, связывающая отца с трупом только что умершего его сына. Забывшемуся было во сне отцу является образ сына, является со словами: “Отец, разве ты не видишь, что я горю?”» [4:40].

Тайна связи отца с трупом сына объясняется тем, что отец не досмотрел. Можно ли отцу представить себе, что он причина того, что не он ушел из жизни первым, а его сын, который его в этом и упрекает? *Невозможно*. Реальное, напомним, – невозможное. С другой стороны, можно ли отцу, не исполнившему свой символический долг перед сыном, оставаться в символической матрице сновидения? *Невозможно*.

Итак, что же тогда будит отца? Какая страшная тайна? Ответ Лакана: пробуждает его «не что иное, как отражение, тень, пламенный отсвет самой реальности?» [4:40]. Какой реальности? Сновидческой? Нет. Бодрственной? Тем более нет. Лакан говорит об отсвете той реальности, которая дает о себе знать по ту сторону и одной, и другой реальности. Лакан называет потустороннюю реальность *реальным*. К этому принципиальному месту анализа мы еще не раз вернемся, а пока обратимся к тайне.

Тайна отца – взятый на душу грех, который *невозможно* искупить. Лакан вспоминает других отцов, в первую очередь в связи с двумя ключевыми трагедиями, Гамлета и Эдипа. Испепеляющая отца в сновидении тайна

«вырисовывается и в других точках, фрейдовской топологией обозначенных, – тяжесть грехов отца, тех самых, что гнетут призрака в мифе о Гамлете – мифе, который дублирует для Фрейда миф об Эдипе. На отце, на *Имени отца*, на отцовском *Нет* строятся желание и закон, но наследие отца – это, как справедливо указал Кьеркегор, не что иное, как его грех» [4:40].

Лакан тотчас задается вопросом о причинах явления Гамлету призрака отца. Что заставляет его явиться? Откуда он приходит? Подробно Лакан размышлял об этом раньше, в семинаре «Желание и его интерпретация» (1958–1959). Неупокоенный, обремененный долгами является призрак отца и Человеку-Крысе, случай которого Лакан подвергает анализу в тексте «Индивидуальный миф невротика» (1953). Сын остается с долгами отца, и среди долгов этих есть те, которые сын оплатить не сможет никогда: отец умирает внезапно, оставляя грехи без покаяния. Таково оставленное наследство. Такова семейная тайна. В случае же «горящего ребенка» ситуация перевернутая: не отец, а сын мёртв, не призрак отца является сыну, а призрак сына – отцу, горящий призрак сына, призрак, сжигаемый «тяжестью грехов отца».

## Ещё раз: что пробуждает?

Вернемся к самому принципиальному вопросу, что же именно пробуждает отца. Вот как на него отвечает Лакан: «Не делает ли это, *внутри* сновидения, какая-то другая реальность?» [4:65]. Лакан как бы не отвечает на вопрос, а задается еще одним, но на деле в его вопросе, конечно, содержится ответ: отца будит другая реальность. Итак, в сновидении, внутри сновидения есть ещё одна реальность, другая реальность, ещё одна помимо сновидческой онейрореальности. И Лакан уже назвал эту другую реальность. Имя её – *реальное*.

Дальше Лакан воспроизводит упрек сына отцу по-немецки: *Vater, siehst du denn nicht, dass ich verbrenne?* Эти слова Лакан соотносит со звуками, которые доносятся до слуха спящего отца из соседней комнаты, и говорит, что фраза сына содержит куда больше реальности. И фраза эта относится к упущенной реальности, *la realite manquee*:

«Разве не проскальзывает в них та упущенная из виду реальность, которая, собственно смерть ребенка и вызвала? Разве не говорит нам сам Фрейд, что во фразе этой узнается нечто такое, что увековечивает для отца те навеки разлученные теперь с мертвым ребенком слова, которые, по предположению Фрейда, адресованы были отцу в предсмертной горячке?» [4:65].

Слова сына, навеки разлученные с ним, полыхают ярче того пламени, отзвуки которого исходят от гроба. Желание отца увидеть сына живым сбылось, и вот чем оно обернулось, как в одной, так и в другой реальности. Сбывшееся желание обернулось двойным кошмаром. И запечатлевает этот кошмар, замыкая реальности, фраза «Отец, разве ты не видишь, я горю».

## Желание спать и шум потусторонней реальности

Фрейд переходит к размышлениям о том желании, которое связывает между собой две реальности. Это – желание спать. Это – всегда уже имеющееся желание, и желание это принадлежит инстанции пред сознательного. Именно оно поддерживает желание увидеть ребенка живым. Так, по логике Фрейда, обе движущие силы сновидения работают в одном направлении: отец не должен просыпаться. Желание спать сопровождается бессознательным знанием. Словами Фрейда: «Я вынужден сделать вывод, *что в состоянии сна мы всегда твердо знаем, что нам что-то снится, как знаем и то, что мы спим*» [1:572]. Инстанция предсознательного голосом за кадром сна говорит: «Спи спокойно, это всего лишь сон. Не просыпайся!». Эта инстанция поддерживает сон, она знает: следует спать.

Лакан называет желание спать самой большой загадкой среди тех, что Фрейд задал в «Толковании сновидений». Каково место этого желания в работе психики? Принципиальное. В XVII семинаре Лакан пишет: «*Wunsch zu s chlafen*. желание спать – вот чем определяется работа сновидения» [5:69]. Работа эта состоит в постановке мыслей на другой сцене, в смещении и сгущении. Работа сновидения, напомним, создает форму сновидения. Сгущение и смещение Фрейд называет механизмами искажения. Так постановка на другой сцене осуществляется искажением мысли. Деформация задаёт форму, в которую вписано желание, и форма эта определяется желанием спать.

В начале второго раздела седьмой главы «Толкования сновидений», который называется «Об исполнении желаний», Фрейд сразу же возвращается к сновидению о горящем ребенке и говорит, что не всё так просто с учением об исполнении желаний. Со ссылкой на Аристотеля, он подчеркивает, что сновидение в состоянии сна – продолжение бодрственного мышления. Психика никогда не спит, не дремлет. Сновидение мыслит и совершает самые разнообразные психические акты, в том числе и беспокойство, чему примером служит сновидение о горящем ребенке. Сразу за этой мыслью Фрейд описывает, как оно возникает:

«В ответ на мерцание света, падающего ему, спящему в глаза, он делает исполненный беспокойства вывод, что упала свеча и мертвое тело может загореться; этот вывод он превращает в сновидение, облекая его в форму очевидной ситуации, относящейся к настоящему времени» [1:551].

Внешняя реальность не пробуждает отца, напротив, она содействует созданию сна. Исполненный беспокойства вывод превращается в сновидение. Вот толкование этого места «Толкования сновидений» Славоем Жижеком, который ещё плотнее сводит вместе две реальности, внешнюю и внутреннюю, бодрственную и сновидческую:

«...когда дым нарушает сон отца, он быстро конструирует сновидение, инкорпорирующее нарушающий элемент (дым – огонь) для того, чтобы продолжить сон; однако то, с чем он сталкивается в сновидении, было травмой (ответственности за смерть сына), куда более сильной, чем реальность, так что он пробуждается в реальность, чтобы избежать *реального*» [8:58].

Отклонимся теперь на сновидение Лакана, которое он вспоминает в связи с горящим ребенком. Однажды, устав, он задремал, и проснулся от настойчивого стука в дверь, но прежде увидел коротенькое сновидение. Именно стук стал тем элементом, вокруг которого оформилось сновидение, хотя явило оно Лакану кое-что отличное от стука. Лакан просыпается. При этом шум, как подчеркивает Лакан, доносится не до восприятия, а до сознания. Момент пробуждения он называет зиянием, *béance*. Зияние между сознанием и восприятием – тот миг перед окончательным пробуждением, которое зияние это замыкает.

Лакан просыпается от стука в дверь? Важнее другое, а именно то, что стук – причина сновидения. Стук в дверь напоминает Лакану о сновидении «Отец, разве ты не видишь, я горю». Два сновидения связывает шум: сновидение из VII главы «Толкования сновидений», на слух Лакана, целиком выстроено на шуме. Это кажется загадочным. О каком шуме он говорит? О шуме реального. Шум этот, как подчеркивает сновидец, исходит от реального, которое может заявить о себе «любой случайностью, любым звуком» [4:68]. Шум *реального* доносится из соседней реальности, оттуда, где свеча падает в гроб, и реальности там меньше, чем в словах ребенка, словах, вероятно сказанных в предсмертной горячке. Фраза эта, убежден и Фрейд, есть не что иное, как остаток дневных впечатлений, *Tagesreste*. Фраза эта, «Отец, разве ты не видишь, я горю», указывает на то, что Лакан называет пропущенной реальностью, *realité manquée*. и сновидение это, как он говорит, – посвящение пропущенной реальности.

Отец упустил из виду жар, и слова сына в сновидении указывают на причину горячки. То, что реальность эта – пропущена, открывает реальное. Потому Лакан и связывает пропущенную реальность с навязчивым повторением и со случайностью. В этом повторении он обнаруживает пропущенную встречу между сновидением и пробуждением, невозможную встречу между бодрственной и сновидческой реальностями. Между ними – миг пробуждения как разрыв между реальностями, как зияние, *béance*.

Бодрственная реальность, о чем свидетельствуют и сновидение Лакана, и сновидение, которое анализирует Фрейд, не столько будит своим шумом, сколько становится очагом онейрообразования. Сновидение о горящем ребенке формируется в момент нарушения сна светом (Фрейд) или дымом (Жижек). И образованию его содействует желание спать. В конце раздела «Об исполнении желаний» Фрейд продолжает свой анализ «Горящего ребенка»:

«В снах, приводящих к пробуждению, которые перерабатывают внешний чувственный раздражитель таким образом, что он становится сочетаемым с продолжением сна, вплетают его в сновидение, чтобы лишить его требований, которые он мог бы предъявить в качестве напоминания о внешнем мире, действенность желания продолжить спать обнаружить проще всего» [1:572].

Внешний раздражитель вплетается в ткань сновидения и утрачивает свою пробуждающую силу. Желание спать стоит на страже сна. Отец не должен просыпаться. Так мы вновь приходим всё к тому же вопросу: почему отец просыпается? И вновь вопрос этот приводит нас на границу реальности и реального. На сей раз мы доходим до пуповины.

## **В пуповине**

Исполнение желания отца выбрасывает его на край пропасти, на край пуповины сновидения. Пуповина сновидения – место рождения желания, место зарождения субъекта. Точнее, пуповина указывает не просто на родовую связь, но на то, что происходит *до*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.